

Игнатов Н.А.

Бесконечность в кубе

Рассказ

Николай Игнатов
Бесконечность в кубе

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Игнатов Н. А.

Бесконечность в кубе / Н. А. Игнатов — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Небольшой и довольно веселый рассказ. Мистическая история о самоубийстве. Мистическая история о бесконечности. Жутковатые истории из жизни. Содержит нецензурную брань.

© Игнатов Н. А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Тело Дениса обнаружили вечером пятнадцатого мая в его комнате. Первым тогда в комнату вошёл его отец, Фёдор Геннадьевич. Он увидел лежащего с головой под одеялом сына, и его кольнуло предчувствие – поза была неестественной, лицо закрыто. Кто так спит? Отец постоял с минуту, затем медленно стянул часть одеяла с неподвижного тела и увидел на голове Дениса затянутый скотчем чёрный пакет для мусора. В комнате скверно пахло. Будто только сейчас заметив это, Федор Геннадьевич подошёл к окну и растворил его. С подоконника на пол посыпались коробки от компьютерных комплектующих, компакт-диски в коробках и прочий хлам.

Фёдор Геннадьевич тяжело дышал и бессмысленно смотрел воспалёнными от постоянного похмелья глазами на замершие в вечернем сумраке ветви большого вяза, растущего во дворе; ему было жарко и душно. Он готов был стоять так до последнего дня своего, только бы не оборачиваться, только бы не видеть лежащего на кровати мёртвого сына. До последнего момента ни Фёдор Геннадьевич, ни его жена, Елена, мачеха Дениса, не думали, что он вообще дома. Дверь в его комнату была заперта весь день, телефон его не отвечал. Отпереть дверь и всё же войти в комнату решились уже вечером, когда заметили-таки стоящие в прихожей кроссовки Дениса, а затем увидели, что и куртка его висит на крючке. Федор Геннадьевич тогда подумал было, что Денис опять сидит в наушниках, играет в свои дебилские игры, потому и не слышит, что к нему стучат. Супруга, однако, не разделяла его оптимизма и настояла на том, чтобы взять другой ключ и открыть дверь.

Судебная экспертиза подтвердила факт суицида, Фёдор Геннадьевич получил сухую и бюрократически блеклую справку о смерти, где в пятнадцатой графе было криво подчеркнуто ручкой «самоубийство». Сергей Сергеевич, лечащий психиатр Дениса, сам позвонил скорбящему отцу, принёс соболезнования и, успокаивая его, констатировал факт, что самоубийство было здесь только вопросом времени; что, дескать, ничьей вины здесь нет, парень был болен, болезнь же его и погубила. Фёдор Геннадьевич молча выслушал психиатра и положил трубку.

Похороны были назначены на субботу, восемнадцатого мая. Олег, старший брат Дениса, прилетел из Торонто сразу как смог, бросив все дела. Мрачное низкое небо Родины исподлобья и немного завистливо глядело на его голубую кепку с надписью Toronto Maple Leafs, когда он спускался по трапу. Накапывал мелкий и гадкий дождик, лицо Олега было каменным и серым. Он сел в такси и поехал в гостиницу, останавливаться у отца он не хотел.

С тех пор, как их мать умерла, Олег всегда старался заботиться о младшем брате. Денису тогда было девять, Олегу – пятнадцать. Мама умирала долго. Около полугода после операции рак «доедал» её дома. Старший всё понимал, а Дениска гнал от себя нехорошие предчувствия, всё ожидая, что мама выздоровеет. Конечно, говорить об её скорой кончине ему не посчитали нужным. Боли становились всё сильнее, и весь последний месяц жизни больная провела на морфине. Она почти ничего не ела, потому в последние дни её нельзя было узнать, до того иссохло её тело. Часто, в бреду, она звала мужа, детей, что-то говорила им, извинялась за что-то, жалела, что чего-то не успевает...

Олегу предстояло многое успеть за те три-четыре дня, что он планировал провести в родном городе, в Канаде ждал бизнес, дела, дела и опять дела. Он во что бы то ни стало хотел разобраться, понять, что стало действительной причиной этого суицида; хотя, в силу многих обстоятельств, среди которых главное – психическое состояние брата на момент смерти, Олег об этой причине давно догадывался. Но, разобраться и все проверить он считал себя обязанным.

Сергей Сергеевич в беседе с Олегом всё же не смог не заключить, что корни трагедии Дениса были именно в том, что отец, сколь сильно бы ни любил детей, всё же, после смерти жены не смог полноценно её заменить. Ни сам он этого не смог сделать, ни даже вместе с новой супругой, которая стала таковой довольно быстро, не дав Федору Геннадьевичу побыть

вдовцом и года. Да чего уж там, сам Олег, всё чаще вспоминая свои нелегкие подростковые годы, думал о том, что после ухода матери отца как будто подменили. Да, горе было общее на всех. Да, потеря была велика. Но отец должен был проявить стойкость и уж ни в коем случае не пытаться не замечать проблем. Наверное, он настолько привык, что покойная сама все делала, сама обо всех заботилась; привык, что на ней держалась вся семья, всё хозяйство, что просто оказался не готов встретить новые обстоятельства. Так примерно и размышлял Олег, но вправе ли он был судить отца?!

Обычно всегда подвижный и общительный, Олег был задумчив и хмур, когда отец открыл перед ним дверь. Порадовал родителя визитом он только на второй день после приезда, вечером.

Сначала они молча смотрели друг на друга: сын не мог подобрать слов, до того сильный сумбур был в голове его от столь невероятно печальных событий, Фёдор Геннадьевич же, уже неслабо принявший на грудь, просто не мог сразу узнать гостя в плохо освещённой прохожей. Наконец, он узнал отпрыска, обрадовался и очень засуетился, помогая ему войти. Хозяйки, Елены, дома не было, работала в ночную смену.

Помянули усопшего за ужином, тихо и нарочито вежливо поговорили, затем решили, что надо б уже на боковую, назавтра назначены похороны, много дел с утра. Фёдор Геннадьевич безуспешно пытался убедить сына остаться ночевать у него. Олег наотрез отказался, сославшись на необходимость «поработать с бумагами», а оные остались в гостинице. Говорить отцу про отвращение, которое вызывало у него все в этом доме, начиная от дурного запаха, грязи и заканчивая неприятными воспоминаниями, он благоразумно не стал.

Фёдор Геннадьевич остался курить на кухне, а Олег, пойдя в уборную, остановился возле двери в их старую комнату, в которой жил до последних дней своих Денис; да, та самая, где они росли, где играли вместе, где ругались и мирились, и где мечтали, что когда-нибудь мать их снова обнимет. Олег открыл дверь и включил свет. В тусклом свете единственной лампы лениво разбегались в стороны по грязным старым обоям жирные тараканы, коих развёл в последние годы жизни Денис во множестве своей чрезвычайной неряшливостью. Олег поморщился и вспомнил, как брат ненавидел и до жути боялся тараканов; никакие другие насекомые или иные твари не вызывали у него столь сильного страха и отвращения. В дальнем верхнем углу была видна паутина со множеством засохших старых мух. Пахло в их комнате дурно, как пахнет в квартирах дряхлых стариков, за которыми уже никто не ухаживает, а сами они не проводят уборки по причине немощности. Олег немного удивился, увидев целым их старинное, доставшееся невесть от каких пра-пра-родственников, трюмо с большим зеркалом.

На похоронах, помимо отца, брата и мачехи покойного, было совсем немного людей; несколько родственников, немного искоса поглядывавших на Федора Геннадьевича, и единственный друг Дениса, Игорь со своей сестрой Галиной теснились в небольшой «ритуальной комнате», обступив со всех сторон гроб с телом покойного. Игорь, которого, по причине особой формы головы Денис всегда звал Кочаном, был частично парализован, потому передвигался в инвалидном кресле. Его и без того глуповатое выражение лица, как заметил Олег, сейчас было совсем идиотским; таким именно образом на челе его и запечатлелось невероятное горе. Впрочем, Игорь не плакал, в отличие от сестры, которая рыдала навзрыд.

После того, как прощание закончилось, и гроб погрузили в катафалк для перевозки на кладбище, он подкатил на своей коляске к Олегу.

– Привет, Игорек. Как жизнь? – мягко спросил Олег и протянул ему руку.

– Да, так, пойдет, – с каким-то виноватым видом ответил Игорь, пожимая протянутую руку, – Я чего сказать-то хотел... Я, это, на кладбище не поеду, вон че (он кивнул на свои тощие нерабочие ноги), куда мне там на коляске по грязищи?!

Он замялся и полез в карман ветровки.

– На вот, – протянул он Олегу вытащенную из кармана маленькую бумажку, – Динька совсем недавно еще... за неделю до...этого, – он мотнул головой в сторону катафалка, – велел мне передать тебе пароль от его почты. «Если что» – сказал он. Знать бы, что это за «если что» окажется...

– А зачем мне его пароль? Что там, в почте? – рассматривая бумажку, спросил Олег.

– Да откуда ж знать. Он сказал, что там какой-то «интеллектуальный капитал», что-то такое, кажется, не помню точно, мы выпили тогда у меня не слабо. Короче, разберешься, думаю.

– А ты сам не смотрел?

Игорь поморщился, стараясь смотреть в сторону, и глаза его намокли.

– Нет. Он велел тебе отдать. Сказал, мне нельзя.

Вернувшись в Торонто, Олег, сколь бы тяжело ни было у него на душе, весь погрузился в работу. Дела не ждали, суровый прагматизм западного бизнеса вежливо игнорировал любые проявления чувствительности. Олег и так бросил все на целых четыре дня! Только через месяц, получив некоторое облегчение в делах, он вспомнил о полученной от Кочана бумажке с почтой и паролем Дениса. Сидя вечером перед ноутбуком с бутылкой дорогого бренди, Олег наконец вошел в электронный почтовый ящик покойного.

Вообще, надо сказать, что хоть он и любил младшего брата, все же понять его он был не в силах. Какая-то чрезмерная напряженность психики, постоянно терзавшая Дениса, была чужда для восприятия всегда спокойного до меланхоличности Олега. Напряженность эту он всегда относил к разряду симптомов болезненных сношений брата с окружающим миром, к его мрачной и пессимистичной оценке всего, происходящего промеж людьми и промеж людскими массами. По выражению самого Олега, у брата было «треснуто и без того кривое стекло, через которое он воспринимал окружающее», а потому и выводы он делал сообразные проникающей извне искаженной информации. К тому же еще эти препараты, нейролептики, что с таким усердием и неколебимой уверенностью прописывал ему Сергей Сергеевич; иные, вроде метезаина, модитена или того же галоперидола, хоть и назначались для предотвращения бредовых состояний и галлюцинаций, сами, по мнению Олега и отца, порой эти состояния и вызывали. Впрочем, тут дело было, все же, от несоблюдения дозировок или смешивания препаратов с тем, с чем смешивать строго противопоказано. Не один раз домашние замечали Дениса в явно одурманенном состоянии, а недалеко почти всегда обнаруживались обертки от нейролептиков или сами оные. А главное, ни Сергей Сергеевич, ни другие врачи, не могли с полной уверенностью поставить Денису шизофрению. Все не хватало у них «ясности клинической картины», потому ограничивались «шизоидными расстройствами на фоне психологической травмы», и прочими похожими диагнозами. На стационарное лечение в психиатрическую клинику Дениса помещали всего пару раз и очень ненадолго, но Олег помнил в каком состоянии он оттуда возвращался. Неизвестно что именно и сколько ему кололи, но ясно было одно – если они боролись с его депрессивным состоянием, то эффект получили обратный, Денис после этих лечений говорить-то начинал только на второй день.

Опираясь на вышесказанное, можно легко понять отсутствие сильной и сколь бы то ни было негативной реакции Олега на все записи покойного брата, что он обнаружил на его электронной почте. Какими бы странными (мягко говоря) и порой весьма едкими они ни были, все же их автор – психически нездоровый человек, который, к тому же покончил с собой, и, потому, отнести к ним следовало с пониманием. Конечно, любой другой на месте Олега, вряд ли стал бы прочитывать весь массив этих «записок сумасшедшего», но Олег искренне верил, что название ящика и пароль к нему попали в его руки не случайно. Верил, что неспроста Денис просил передать их именно ему, а значит, там есть что-то важное; и, безусловно, думал Олег, там есть и указание на причину суицида.

Почтовый ящик носил имя КооВееК_1990 – причудливо написанное слово «кубик» и год рождения Дениса; пароль: mom_4_eternity 123, уже интереснее: «мама навсегда» и один-два-три в конце. Цифры добавлены, видимо, исходя из требований к паролю. «Да, никто так не переживал и не хотел верить в мамину смерть тогда, как Динька», – пронеслось в голове Олега.

В ящике все письма были только от одного адресата – от того же самого. Денис, как оказалось, вел некий дневник, записывая свои переживания и отдельные мысли в электронном письме, а затем отправлял их на свой же ящик. Судя по датам, первым письмам было уже около 9 лет. В них Олег не нашел ничего заслуживающего особого внимания: сплошные эмоциональные зарисовки юного социопата, разные «удивительные открытия», происходившие в виде побочного эффекта случайного расширения кругозора, некоторые циничные размышления и корявые, мрачные стихи. Далее в письмах шел значительный перерыв – около четырех лет Денис ничего не записывал, затем письма снова возобновились, но стали весьма редки, не более одного-двух в месяц. Содержание их не особо изменилось, но они безусловно стали интереснее и логически связаннее. И тем записи сильнее захватывали внимание Олега, чем дата их написания ближе была к концу жизни автора.

Никакой выраженной взаимосвязи в контексте общей хронологии письма не имели. Особый интерес Олега привлекли нижеследующие.

07.12

...холод собачий. Хозяин экономит электроэнергию, не ставит, жадная сволочь, обогреватель в склад, а там холодно, холодно! Замерз сегодня на работе как тузик. Надо новые кроссовки где-то раздобыть, мои совсем в хлам, да и носки бы тёплые купить, шерстяные лучшие. Да только негде денег взять – у отца я не хочу просить, у Лены тем паче. Я обещал им (вообще, конечно, одному отцу), что смогу сам себя обеспечивать, сам прокормлюсь и оденусь, и не надо меня жизни учить, и не надо лезть со своими советами и помощью. Где ты раньше был?! Конечно, все эти четырнадцать лет ты был здесь же, но для меня тебя как бы и не было. Теперь уж не нужно, теперь уж поздно, сейчас уж я сам как-нибудь.

Кстати, можно одолжиться у Кочана. А что, он давно хвастает, что на своих идиотских обзорах в ютубе, как он сам говорит: «кучу бабуриков щёлкает». Ну уж мне на кроссы новые определенно нацелкал чего-нибудь. Или, всё-таки, как все талдычат на работе, купить себе зимние ботинки на меху?! :)))))) Смущно, ага. Нет, не из тех я, кто не верит, что в кроссах можно ходить и летом и зимой, причём в одних и тех же. Носки, главное – тёплые носки.

А если у Кочана вдруг голяк будет по баблу?! Ничего, найду где достать. Не брату же в Канаду звонить.

19.01

...давно не смотрел ящик, сегодня вот включил, и уж, конечно, лучше б я этого не делал, поберег бы лучшие аппетит и остатки нервов. Клацнул пультом и нарвался на новости, а там как раз показывали то ли заседание какое, то ли просто очередное чиновно-политическое собрание. Меня, помню, даже затошнило; последний раз я видел подобное, когда смотрел старого Индиану Джонса, а именно ту сцену, где он пробирался по катакомбам под Венецией и под ногами его копошилась целая тьма крыс. Я продолжил обреченно клацать кнопки на пульте и, вскоре, с облегчением, выключил телевизор. В общем, среди всех каловых масс, что успели вывалиться на меня с экрана, запомнился сильнее всего только репортаж о больном ребёнке. Что за чудо страна, ой-вей! Я вас умоляю, они собирают по копейке деньги на лечение больным детям, усиленно давя слезу из уставших от постоянного всматривания в завтра глаз замученных жизнью простолюдин, хотя найти нужную сумму можно очень легко.

Достаточно просто выйти на улицу в ихней Москве, на какую-нибудь, скажем, Тверскую, остановить любой тонированный джип с зеркальными номерами, выволочь оттуда свинорылого водителя и хорошенько трясти его вверх ногами до тех пор, пока не насыплется нужная сумма. С этого жулья не убудет. А поскольку больных детей много, подобную акцию лучше проводить повсеместно в России.

Телевизор я смотреть зарекаюсь отныне и пусть я провалюсь на месте сквозь твердь земную или, того хуже, пусть начну верить в людей, ежели ещё хоть раз я включу этот говнопровод.

Олег поморщился. Он всегда знал этот цинизм и желчность в брате, всегда был к этому снисходителен, относя все на счёт его психического состояния, но, все же, в этих записках он нашёл этих качеств перебор. Сделав некоторое над собой усилие, он продолжил читать письма и некоторые, опять же, вызывали в нем особый интерес. Как, к примеру, следующие.

20.02

...я всё рассчитал. На оставшееся время мне нужно всего каких-то пятьдесят тысяч. Правда, это не считая тех пятнадцати, коими я одолжился у Олежки, от них ещё десятка осталась. Эх, Олежка, родной, некрасиво получилось с тобой, денежки ты мне перевёл на карту, а я тебе черкнул по Ватсапу, что, мол, сам понимаешь – долг я возвращать тебе не собираюсь. Знать бы тебе про мой план, чёрта с два дал бы ты мне займы!

21.02

...ей богу, человеческий муравейник! Копошатся, чего-то с серьёзным видом делают, со стороны даже посмотришь, как будто и осмысленно всё у них происходит, и даже не просто осмысленно, а высокоразумно. Но, стоит приглядеться, сразу видны все низменные и до пошлости примитивные их, побуждающие ко всякой деятельности, мотивы. Они просто хотят жрать, трахаться и спать; и желательно, чтобы всё это было бесплатно. А со своими социальными ролями они мирятся, стиснув зубы, и каждый свой вдох и выдох сопровождают нетленной мечтой о том, что вот придёт время и всё это кончится. И чем ближе река жизни подносит их к конечному водопаду, тем отчётливее они понимают под этим «всё» не те их проблемы и невзгоды, мешающие насладиться хоть сколь-нибудь бытием, а вообще всё, в том числе и само это жалкое бытие их.

Они работают всю жизнь, репетируя роль тягловой лошади, которая изящно грохнется в гроб, подкошенная старостью. При этом они меняют оглобли, подковы и сбруи, порой даже примеряют дорогую попону, в конечном счёте забывая, что никому не будет дела как именно эта самая лошадь будет смотреться в гробу.

Это я опять брызжусь ядом во все стороны без разбору оттого, что сегодня вновь довелось столкнуться с этой муравьиной жизнью. Когда я в предыдущий раз брал кредит (единственный раз), чтоб купить себе новое железо на комп, я наплёл им такой чепухи, что даже самому смешно было потом. Я тогда только два дня как на работу устроился и перспективы мои были весьма туманны, а этой дуре я сказал, что работаю уже второй год и что зарплата у меня нормальная. Даже телефоны ей дал какие-то, чуть ли не выдуманые на ходу, дескать, бухгалтерия, начальник, звоните, мол, проверяйте. Работал, что называется, под дурака, надеясь на авось. Но я ж ведь и так дурак, у меня и справка есть)))

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.